

Семья незнакомцев

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Айрон

Айрон
Семья незнакомцев

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Айрон

Семья незнакомцев / Айрон — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Из любой ситуации есть выход. Из заточения - побег. Из одиночества - любовь. Из нищеты - решимость. Удачная или нет, попытка принесёт результат. Даже бездействие может оказаться выходом. Но может и усугубить то, для чего раньше потребовалось бы всего пара слов. Тяжесть принятых решения может сгибать, уродовать, но в тоже время и приносить облегчение. Пока живой, всегда есть шанс. Содержит нецензурную брань.

© Айрон, 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Айрон

Семья незнакомцев

Пролог

День выдался знойным. Постукивая о кирпичную кладку старого колодца, ведро поднималось всё выше, по пути расплёскивая излишки воды. Стрекотали кузнечики, пели стрижи, поскрипывая несмазанными деталями, медленно вращались лопасти старой мельницы. Перелитая в лейки вода, излилась на грядки, оросив пышную зелень. Девочке было невдомёк, что солнце заберёт большую часть влаги, в то время как растения, так и не сумеют утолить своей жажды.

Всё что она знала о садоводстве, умещалось на страницах календаря, найденного среди прочего хлама хранившегося в мельнице. Подростая, окрепшая после первого голодного года, сейчас она не сомневалась, что сумеет пережить грядущую зиму. После нескольких попыток, ей удалось научиться консервировать дары садов, что располагались по ту сторону ручья, и теперь все найденные банки, были наполнены неподслащённым вареньем из плодов и ягод. Единственное о чём осталось позаботиться, было тепло.

Если бы не оттепель посреди предыдущей зимы, она наверняка бы замёрзла насмерть. Учитывая этот опыт, предстояло начать готовиться задолго до первых холодов. А значит, нужно было отправиться к отчужденному дому. Особняк, в котором жил ещё её прадед, стоял на подветренном склоне холма. Время и люди не пощадили его. Ветер сорвал крышу, дожди и ночные заморозки сокрушили камень, заражённые грибок балки, прогнулись и грозили рухнуть под собственным весом. Полчища страшных крыс, опустошив хранимые в подвале запасы, плотно обосновались внутри дощатых стен и разваливающейся мебели. Хуже пищащих тварей, были лишь бродячие псы, приходящие из леса, со стороны села. Оголодавшие, злые и быстрые, они не раз угрожали жизни девочки. Также, не стоило забывать о вещах, хоть и не подвижных, но не менее опасных. Доски, с ржавыми гроздьями, плуги и косы среди заросшей травы, подвешенный на цепях двигатель, и торчащие в ставнях осколки стекла. Худшим из зол, притаившимся в спальне, была зараза.

Болезнь, пришедшая в самую худшую пору, сгубившая родню и последнего, кто был с ней рядом. Она звала его Левшой, не в насмешку над увечьем, но подчёркивая значимость уцелевшей руки. Он, звал её именами цветов. Каждый день разными, не повторяясь по несколько недель. Ему она была обязана почти всем. Генератором, превращавшим вращение лопастей мельницы в электричество, кроватью, принесённой из избытки охотников, сытным мясом пойманной дичи, моральной опорой, позволившей пережить утрату. Он заразился, съев что-то из сброшенной гуманитарной помощи. Болезнь длилась недолго. Конец, был такой же, как и у всех.

Ей потребовалось несколько дней, чтобы смириться с тем, что она осталась одна. Неглубокая могила за мельницей, среди некогда вычищенных с поля камней, на одном из которых было нацарапано его настоящее имя.

День подошёл к концу, солнце склонилось к закату. Медленно разгораясь, затрещал огонь в глубине маленькой, самолепной печи, пошедшей глубокими трещинами. С глухим, раскатистым шумом, голова мельницы провернулась вслед за изменившимся ветром. Проникнув в небольшое оконце, косые медные лучи, озарили обсыпанные, грязно белые стены.

Она, с кружкой горячего чая, отдыхала на краю холма, когда из-за лес послышался странный, почти забытый звук. Рассекая воздух длинными лопастями, в небе над деревьями появились вертолёты. Угловатые, угольно чёрные корпуса были увешаны бесчисленными орудиями.

Непроницаемо чёрные фонари кокпитов, очерчивали тонкие серебристые ленты. Яркие флаги неизвестной страны украшали хвосты.

С шумом оторвавшись от коротких крыльев, один из пяти вертолётчиков выпустил неуправляемую ракету, устремившуюся в сторону особняка. Взрыв, сотряс тихий вечерний воздух. Вспышка озарила уже скрытую тенью долину.

Она не знала причины их гнева. Не понимала, зачем крушить старый дом, на стене которого ещё висела табличка с надписью. (Историческое наследие.) Но она отчётливо чувствовала страх, пусть даже ночная тьма отступила, разогнанная светом пламени.

Разделившись на две группы, вертолётчики разошлись в стороны. Одни направились за лес, к селу, другие, к ней. Оторопев, маленькая фигурка осталась сидеть на месте, даже когда чёрные машины совершали круг над холмом. Зависнув в полу сотне метров, они открыли огонь. Только тогда, выронив кружку, девочка бросилась наутёк. Частой строчкой, пули ложились совсем близко, но в то же время, будто не пытались задеть.

Стены мельницы не стали хорошим укрытием. Пробивая старую кладку навывлет, пули оставляли крупные отверстия. Разбитые механизмы, посыпались ей на голову, загнав под лестницу. Убранство, аккуратно прибранное и развешенное по стенам, разлеталось в клочки. Снаружи вспыхнуло, когда разбитая пулями масляная лампа подарила пламя сушащимся травам. От попадания, лопнув, печь разлетелась на мелкие куски. С грохотом обрушилась часть стены, погребая под собой сколоченный из палок стеллаж с кислым вареньем. Короткая очередь, и одна из деревянных лопастей разлетелась на части.

Укрывшись плетёнкой их соломы, закрыв уши руками, давась от кашля, девочка всхлипывала, мечтая лишь о том, чтобы проснуться от кошмара. Но тому всё не было конца. Все новые пули пробивали хлипкий каркас. Огонь пылал повсюду. Трещина, сухое дерево разгоралось всё ярче. Выбитый из креплений, стальной вал рухнул вниз, обрушив часть стены возле лестницы. Не упуская шанса, гонимая страхом, сирота бросилась во мрак.

Не смея подняться, боясь отбросить тень, она ползла по камням, под которыми покоилось тело последнего дорогого ей человека. Ползла среди острой болотной травы, то и дело, погружаясь в холодную грязь. Ползла меж ветвей колючего кустарника, ранившего лицо и руки.

Рокоча, горячие камни устремились к земле. Взмахнув в последний раз, лопасти разбились об землю. Померкнув, пожарище выбросило в тёмное небо мириады искр, быстро уносящихся к звёздам. Обернувшись, она не увидела старой мельницы. Лишь гору горящих обломков, над которыми, уже не стреляя, кружили два вертолётчика. Сделав последний заход, они устремились к селу, где также поднималось зарево.

Глава 1 Зона низкого давления

Распрямившись, мужчина отряхнул руки от влажной грязи, а затем, обернувшись, с пренебрежением и улыбкой, взглянул на две ещё взбирающиеся фигуры. Поправив тёмную кепи из грубой ткани, пальцы сомкнулись на сигарете. Треск тлеющего табака, тихий шелчок и окурок отправился в ближайшие заросли. Тем временем, тяжело дыша, пара взобралась наверх. Вытерев руки о мох и оправив одежду, невысокий парень встал рядом, но в то же время чуть позади. Необеспокоенная такими мелочами как внешний вид и чистоплотность, справа от мужчины остановилась девушка. Оглянувшись сначала на одного, а затем на другую, первопроходец остановил своё внимание на слабом поле. Рывок за полы тканевой куртки, несколько прихлопывающих движений по телу, подтянутый к горлу ворот. Взглянув со скептицизмом, насмешкой и упрёком, за которым можно было углядеть ревность, парень отвёл взгляд, изображая безразличие.

Более пологи, но и мене лесистый, спуск выдался не многим легче подъёма. Через высокие травы, в обход рощ и кустарников, на юго-запад, к границе топи. Под морозящим

дождём, и перестук срывающихся капель. Мимо одиноких, столбов с оборванными проводами, полуразвалившихся домов, заросших машин, покосившихся, ободранных рекламных щитов. Сквозь разрушенные и заброшенные блок посты, к широкой прогалине, разделяющей запретные земли, от зоны повышенного контроля.

Поставив ногу на треугольную табличку, с полустёртым изображением черепа и костей, мужчина с жестоким оскалом, повалил её на землю, вдавив в болотную жижу. Кивок себе за спину, и спутники выстроилась за ним, держа дистанцию в восемь шагов. Ступая туда же, куда и ведущий, тройка двинулась сквозь прогалину, под острым углом приближаясь к первому периметру из колючей проволоки.

Высокая трава скрывала подкоп под заграждением. Искусно вылепленная из бетона, заглушка маскировалась под трещину. Подле её правого угла, на дне открытой в щебне ямки, темнела небольшая жестяная коробка, обёрнутая промасленной тканью. Внутри, наполовину засыпанные в гранулы абсорбент, лежали заламинированные пропуска с золотистыми вставками чипов, иньектор с подкожными чипами, и скальпель.

– Чернила испарились. – доложил парень, показав обе стороны пропуска.

Тонко ослабившись, мужчина взглянул на часы, а затем на восток.

Плавно остановившись, водитель джипа навалился на руль, вглядываясь в силуэты. Лопоча что-то невнятное, закутанный в тряпье человек, склонился над таким же оборванцем. Раскинув руки, последний, не подавал признаков жизни. Одна из его ног была неумело перетянута самодельными бинтами в районе колена. На грязно белом полотне, густым пятном расцветала красная клякса. Кровью были измазаны и руки закутанного в тряпье. Часто и бессвязно жестикулируя, взывая к богам и проклиная судьбу, явно потеряв над собой контроль, человек не затыкался ни на секунду.

Шурша гравием, из джипа вышло двое. Ещё столько же осталось внутри, положив оружие на колени. Убедившись, что установленная в джипе камера сфокусировалась на сцене, водитель откинулся на спинку, беззаботно похрустывая безвкусными галетами из личного пайка. Тем временем, вполовину сократив дистанцию, двойка выкрикивала стандартные фразы, требуя подчинения и послушания. Грянул первый предупредительный выстрел, разбросавший камни всего в нескольких сантиметрах от головы лежащего. Раненный, не пошевелился, в отличие от возопившего и закрывшего голову руками товарища. Усмехаясь при виде маски на лице потенциального покойника, солдаты в полголоса спорили о том, что на ней изображено, даже не думая оказывать первую помощь. Достав из-за пазухи дорогостоящий телефон, оставшийся в машине боец, запустил прямую трансляцию, то и дело, демонстрируя себя на фоне происходящего. Строчки комментариев, пузырьки сердечек и смайликов поднимались по обе стороны экрана.

Быстро и беззвучно подтянувшись, девушка взобралась на забор, и с ножом в руках, обрушилась на голову оператора. Выронив девайс, он схватился за застрявший в шее инструмент другой профессии. Тут же переключившись на водителя, наступив на поднимаемый автомат, она нанесла несколько молниеносных ударов в лицо водителя, сломав нос и пару зубов, после чего, схватив попавшую под руку отвёртку, всадила её в залитый кровью глаз. Сжатый конвульсивно сомкнувшимися пальцами, автомат выдал короткую очередь, пробившую днище и бак автомобиля.

Обернувшись на выстрелы, ушедшие вперёд бойцы, упустили из виду тот момент, когда причитавший мужчина, вынудив из-под одежды раненого короткоствольный дробовик, ослабившись, навёл его на ближайшую цель. Цепляясь за каждую деталь, радостный взгляд механических глаз наблюдал за тем, как разлетаются клочки левой части лица, отделённого от кости, крупной, восьми миллиметровой картечью. Не выучка, но рефлекторный страх, упасли второго

солдата от следующей порции свинца, по большей части пришедшегося на грудную бронепластину. Потеряв дух, он рухнул под стену, забившись в судорогах, с трудом хватая ртом воздух.

Со стоном облегчения достав из-под себя подогнутую ногу, не вставая, парень принялся разминать затёкшую конечность. С трудом вырвав нож, зажатый позвонками покойника, девушка подобрала горсть рассыпавшихся галет и, включив музыку на продолжавшем снимать телефоне, приступила к трапезе, наблюдая за множасьими комментариями. Присев над покойником, мужчина расстегнул окровавленную куртку и, пошарив по внутренним карманам, извлёк на свет заветные документы. Шелест перелистываемых страниц.

– Годится. – хриплый, прокуренный голос.

Пустая обложка отправилась в ближайшие заросли.

– Поцадите. Не... Я сдаюсь. – с сильным акцентом, стонал подранок, с трудом делая каждый вдох. – Я закрыл глаза. Я не видел вашего лица. Поца... – он закашлялся.

Подойдя к оккупанту, убийца подобрал отброшенный им пистолет. Шелест вынимаемого магазина, с последующей оценкой первого патрона.

– Дрянь. – магазин отправился вслед за обложкой. – Чем откупишься?

– У меня есть деньги. – с энтузиазмом и надеждой. – Шестьсот... – кашель.

– Доставай документы.

Извлечённые из нагрудного кармана, они легко упали на щебёнку. За ними туда же приземлялся бумажник, несколько золотых колец и серебряное ожерелье. Шелест страниц.

– Славно.

Грянул выстрел, оборвав очередную молебную фразу. Даже не взглянув на ценности, выронив опустевший пистолет, мужчина направился к машине. Со щелчком сорвав крышку небольшой консервы, содержащей в себе солёный сыр, девушка расплылась в радостной, немного придурковатой улыбке. С треском пластикового крепления, отделив регистратор от лобового стекла, мужчина извлёк миниатюрную карту памяти. Короткий обыск тел, увенчался успешной добычей недостающего удостоверения. Шелест серной головки по чиркашу, и упав под ноги, небольшой огонёк воспламенил вытекающее из-под днища топливо. Немного погревшись о разгорающееся под ногами пламя, забросив недоеденный паёк в трофейную сумку, девушка поспешила за неспешно удаляющимся убийцей.

Всё это время, продолжая лежать посреди дороги, раскинув руки, не снимая маски улыбающегося человека с торчащим носом и большими глазами, парень глядел в серое небо. Тяжёлые мысли клубились в его голове. Они небыли омрачены насилием и смертями, оставшимися по ту сторону керамического овала, выступавшего в роли барьера от всех ужасов мира. Небыли наполнены заботами о собственном будущем или будущем спутников. Их занимали куда более возвышенные материи. Клубящиеся и размываемые в нескончаемом движении, подобном тому, что происходит среди низко летящих облаков во время дождя. Он думал обо всём сразу, и не о чём конкретном. О боли и страданиях, что выдались на долю бесчисленного множества людей мёртвой страны. О доле тех, кто жил с другой стороны глобуса, и пусть не страдал физически, но давно сгнил нравственно, не видя в собственной жизни нечего значимого.

Чужаки, что прилетали на самолётах, опережая солнце, когда-то были врагами. Они победили в короткой войне. Но победа не принесла им счастья. Весы сломались, начав отмерять одним излишне много, а другим меньше чем нужно для жизни. Некому было противостоять единовластью и сопротивляться несправедливости. Пока родина парня разрушалась массивными бомбардировками, родина чужаков утопала в бесчинствах власть имущих и бесправье бедноты. Последним о чём он слышал, до того как было уничтожено всемирное вещание, были объявления о множестве терактов, замедлении и стагнации, а также о массовых вооружённых восстаниях. Теперь, о том, что творилась за горизонтом, можно было узнать лишь косвенно, вычлняя из пропаганды крупницы информации. И вырисовывающаяся картина не

обещала нечего хорошего. Благо, всё это происходило по ту сторону масти, и ни как не влияло на парня с другой её стороны, служа лишь топливом для его грёз.

***

Заросшие поля, дороги, занесённые жухлой листвой, старые пепелища деревень. Гнутые, ржавые шесты с обрывками ткани, среди зарослей камыша, на больших парковках, где располагались лагеря беженцев. Почти сливаясь с серым небом, колоссами возвышались пятнадцатитажные бруски заводских общежитий. В разное время, новое, бесплатное жильё для трудяг, неблагополучный квартал дальней окраины, хоромы вовремя того как прочие замерзали под снегом, брошенные не разграбленными, гниющие останки прежнего величия.

Войдя первым, парень внимательно огляделся. Не отличавшийся отвагой или меткостью, он без труда примечал то, что чаще всего упускали его спутники. Проходная была чёрна от копоти сожжённых матрасов. Наваленные кучами, коляски и велосипеды полнили небольшой закуток под лестницей. Еле слышно шурша, бегали серые крысы, ставшие полноправными обитателями оставленного жилища. Блеснув в осколках зеркала, луч фонаря переместился от стены к стене. Отклеившиеся объявления, гласящие о всеобщей эвакуации, бесчисленные листки с именами пропавших без вести, длинные списки тех, кого признали погибшими. Медленно ступая по неглубоким лужам, парень прошёл глубже.

Расходящийся в стороны коридоры были наполнены разным хламом, в котором с трудом различались спальные места и следы быта. Грозди зарядных устройств, торчащих из пучка тройников. Изгрызенные крысами куклы. Сумки и рюкзаки набитые полусгнившей одеждой. Собачий поводок, прибитый возле одного из спальных мест, не то в качестве поручня, не то крепления для чего-то.

Присев, разведчик внимательно осмотрел первые ступени лестницы, ища следы присутствия.

– Отец. – подняв на указательном пальце небольшую леску с механизмом на конце. – Старая.

Оглядев механизм, мужчина неоднозначно повёл губами, а затем, взглянув наружу, где самозабвенно глядя в мглистое небо, стояла девушка, вернул леску парню.

– Используй.

Заминировав первый пролёт, группа поднялась на верхние этажи. Все стены были покрыты следами подтёков, мебель, отсырев, разваливалась на части, ржавчина отмечала края пересохшие лужи. Лишь на одиннадцатом этаже удалось найти более менее сухую квартиру, располагавшуюся на нужном углу, так, чтобы наблюдать за близкой границей.

Разожгли костёр, спрятав его за сложенной из обломков изгородью. Оторвав от шкафов задние стенки, заколотили окна, отгородившись от заносимой ветром мороси усиливающегося дождя. Просачиваясь через крепления люстры, стыки потолочных плит, электрические розетки и вентиляцию, частые капли, вынуждали уворачиваться и приспосабливаться. Поставленные сушится поближе к огню, половинки дивана начали парить, усилив и без того присутствовавший запах тлена и плесени.

Медленно кипя, суп обретался всё новыми ингредиентами. В ход шло всё, чем удалось разжиться по пути и сохранить из прежних запасов. Цивилизация была совсем близко, и экономить уже не было ни какой нужды.

Распотрошив отсыревшие сигареты, мужчина ссыпал табак в кружку и, высушив его над огнём, уселся в кресло, занявшись сворачиванием самокруток. Сын, бродил по комнатам, представляя себе быт прежних жильцов. До того занимавшаяся заготовкой дров, девушка пошатнулась и схватившись за голову, опустила на колено.

Тут же заметив её неловкость, мужчина недовольно нахмурился. Его движения стали более резкими, от чего работа быстро разладилась. Спустя пару провалов, потеряв всякое терпение, он выбросил заготовки и, поднявшись, озлобленный бормоча себе под нос, прикурил от очага одну из тех, что успел сделать. Неумело, будто забыв, как делала это последнюю четверть часа, девушка расколола ещё пару стульев, после чего, заметив, что оставленный мужчиной суп начал покидать свою тару, занялась им.

Минуту, понаблюдав за её готовкой, озлобленный подменой любимой дочери на ненадёжную, чуждую, своевольную, почти враждебную. . . , отец порывисто поднялся, направившись к балконной двери. Перебитая обвалам, плита обрывалась в шаг после порога. Остановившись так, что носки ботинок повисли в воздухе, он выдохнул дым, хмуро вглядываясь в пелену дождя. Беззвучно сфокусировавшись, механические глаза приблизили еле различимый горизонт.

Рассекая вечерний полумрак, свет нескольких фар замер, нацелившись на догорающий остов джипа. Выбравшись из бронированного чрева боевого внедорожника, подразделение рассыпалось по местности. Неспешно укрывшись за обломками шкафа, чтобы случайно не попасться в окуляр тепловизоров, мужчина продолжил наблюдение. Короткий осмотр места нападения, опознание погибших при помощи сканеров, и загрузив тела, броневик покатил проч. Ему на смену приехал двухместный вездеход с массивным сканером. Неодобрительно сморщившись, мужчина глухо хмыкнул, параноидальной догадке. Он видел лишь несколько тёмных пикселей на сером фоне, но сердце всё равно забило в груди.

Вернувшись в квартиру, парень нахмурился, увидев сменившегося повара. Не выходя из тени, он подошёл к комоду вблизи очага и, усевшись, протянул руки к горячим камням. Ещё несколько лет назад, он помнил, что стало причиной раскола, мог понять сторону каждого, знал кем она была, до того как мать и отец приняли её в семью. Маска позволила забыть то, что могло причинить дискомфорт. Ровно подстриженные, одинаково блёклые, отборные воспоминания, словно плед, укутывали мягким коконом, защищая хрупкую психику.

Хлопнув дверью, отец вернулся в комнату и, усевшись в кресло, принялся сверлить взглядом ту, что меньше часа назад, с любовью и лаской в голосе, называл дочерью.

Будто не замечая, наслаждаясь его гневом, унимавшим её собственный, она старательно готовила посуду. Всё в ней требовало конфронтации, жаждало возмездия за несколько потерянных недель, нуждалось в утолении, ноющей, непреодолимой обиды. Налив миску супа, она подошла к мужчине.

– Это тебе. Сайлас. – блеснув из-под длинной чёлки, острый взгляд встретился с механическим.

Рассвирепев, он вышиб миску из её рук и, задыхаясь от ярости, ударил наотмашь. Ни стопа, ни крика, лишь резкий выдох. Сев где стояла, девушка несколько секунд наблюдала за тем, как растекается варево, а затем, подняв взгляд, усмехнулась, демонстративно прикоснувшись к ссадине на щеке.

– Не нужно. Перестань. Не поднимайся. – почти беззвучно шептал парень, стараясь не смотреть, но не в силах надолго отвести взгляд.

Борьба была недолго. Щелчок клапана, шелест плотной ткани, твёрдое и гладкое на ощупь, шуршание ткани ремешка по волосам. За маской было тихо и спокойно. Здесь не было ни боли, ни жестокости, ни рвущей сердце тоски, так как всё это присуще только реальному миру.

Прижав к себе. Спрятав руку, которой бил, отец сел на край дивана и уронив опустошённый взгляд вглубь пламени, замер. Молча, почти беззвучно поднявшись на ноги, она удалилась в полумрак соседней комнаты. Косо взглянув на сына, он достал дрожащую руку. Пальцы

сжались в кулак. Взгляд увлажнился. Ненависть и гнев захлестнули с новой силой. Коротко размахнувшись, он ударил стоящий подле шкаф. Ещё раз, резче и яростнее, и ещё несколько.

Не сразу отвлёкшись от грёз, парень снял маску. С трудом перематывая кровоточащую кисть, отец тихо порыкивал, то и дело, сдёргивая плохо лежащийся бинт. Тяжело вздохнув, сын помог обеззаразить и перевязать ссадины. Доев оставшиеся галеты, даже не взглянув на суп, Сайсал устроился на половине дивана и, отвернувшись к стене, вскоре уснул. Лишь убедившись в этом, парень наполнил пару мисок и лёгкой, крадущейся поступью направился к сестре.

Она, сидела в проломе внешней стены, свесив ноги за край. Дождь тонкими струйками бежал по побледневшим ногам, отмеченным синяками, оставшимися после стычки на границе. Срываясь с длинной чёлки, крупные капли падали на щёки и губы, омывая сочащуюся кровь.

– Вот. Это тебя согреет. Не стоит так... Простудишься... – неуверенный и скованно

– Пусть помучаются, ища лекарства. – слова были бесцветны, но лицо выдавало жестокость мыслей.

– Уверена, что она этого заслуживает?

– Да что ты о ней знаешь? – почти грустно, с тонкой издёвкой.

Блеснув под чёлкой, взгляд указал подсумок с маской, затем встретился с его взглядом. Снова пристыженный, он отвернулся. Тихо фыркнув, не то с раздражением, не то с насмешкой она вернулась к созерцанию серого пейзажа. Пустые глазницы окон, колышущиеся кроны тополей, журчанье воды. Прикоснувшись к её волосам, чуть выше и левее виска, парень отвёл их в сторону, оголив круглый шрам.

– Болит? – с искренней заботой.

– Только у неё. – отрешённо.

Через несколько минут снова взглянув на него и удивившись тому, что, но не собирается уходить, недовольно выдохнув, она приняла миску и, поднявшись, прошла вглубь комнаты.

Дождь лился сплошной стеной. Ни грома, ни далёких вспышек, ни дуновения ветра. Извиваясь, по стенам текли тонкие струйки и целые потоки. Срываясь с белёного потолка, крупные капли позвякивали брошенной утварью.

Когда трапеза была закончена, он спросил.

– Кристин. Ты ещё помнишь, тот день? – с интересом, но в тоже время и страхом.

Закрыв глаза, она замерла. День, месяц, годы назад. Две всхлипывающие девочки, и плачущий мужчина с механическими глазами. Их общая, ещё острая скорбь. Отчаянье и голод, страх и грусть. Тепло тел справа и слева. Лёгкое прикосновение руки, выстроившей головы в линию. Щелчок затвора загнавшего последний патрон в ствол ржавого пистолета. Поступь множества тяжёлых ботинок. Озлобленные окрики. Очерченный светом силуэт за обвалившейся стеной. Шелест металла, когда курок сорвался с задержки. Хлопок. Резкая боль. И долгая тьма.

– Помню. – медленно открыв глаза, отчётливо ощущая инородный предмет в голове.

Какое-то время он решал, хочет ли её услышать, но, всё же придя к тому, что не хочет стирать эту ночь, отказался от этой идеи. Она не настаивала, прекрасно зная, сколько бы усилий он над собой не сделал, всё равно не выдержит, прибегнув к излюбленному методу.

Помыв посуду, перелив суп в герметичный котелок, он постелил ей кровать на большом обеденном столе. Она же, стоя у стены, освещённой единственной свечой, рисовала огрызком найденного карандаша.

– Я не стану ложиться. – не оборачиваясь. – Неизвестно когда следующий раз.

– Тогда, и я тоже.

Через пролом в стене, он вошёл в другую квартиру и, достав из примеченного ранее кейса небольшую гитару, вернулся к ней. Постановив, четыре оставшихся струны были настроены.

Тихий шелест пальцев по плетёным нитям, короткий вдох и поднимаясь, еле слышная, впервые за долгие годы, музыка зазвучала в старых стенах.

Он не помнил, умеет ли, но пальцы так легко и верно выдавали ноты, что у него почти не возникло сомнений. Это не было песней или каким-то старым мотивом. Та мелодия, что выдавал инструмент, являлась отражением чувств играющего. Его неутешной грустью, постоянным страхом, печалью и отрешённостью.

Она, отринув вчера и завтра, наслаждаясь каждой чёрточкой, что появлялась из-под пальцев, по её воле, следующей ритмам мелодии. Шелест графита, пересекающего тонкие струи воды, хруст каменной и керамической крошки, густой запах мокрого бетона, треск костра за стеной. Эта редкая ночь принадлежала ей одной, и она брала от неё всё что могла.

Недвижные объективы механических глаз, отражали в себе изгибы и волны шерстяного одеяла, обломки мебели с торчащими скобами, обрывки обоев с затаившимся под ним тараканом. Но их взор был устремлён куда дальше. Вглубь себя и в прошлое. В те дни, когда за напоминание о собственном имени, не приходилось бить женщин, когда он доверял людям, когда в список его ценностей не входила кепи. Он любил ту пору, и отдал бы всё, лишь бы вернуться в неё. Но она прошла, и пути назад не было. Нужно было жить сегодняшним днём, бороться за кусок, сопротивляться нападкам, быть жестоким, как и мир вокруг.

Не раз, его пальцы сжимались в кулак, а желание ворваться и разрушить, достигало предела. Но что-то внутри, нечто старое и ещё неизжитое, в последний момент сдерживало порывы. Она пробуждала в нём это. То, что он так старательно загонял в дальний угол. То, чему не было места в его новой жизни. Растормошённые, поднявшиеся из глубин вместе с воспоминаниями о былом, чувства жгли сердце, и чтобы загнать их назад, потребуется много выпивки.

Глава 2 Актёр в роли сыра

Коридор во всю длину небольшого здания, был неприлично узок, не соответствуя важности располагавшегося в нём учреждения. Из-под панелей фальш потолка, свисали не смонтированные кабели. Двери аварийного выхода перекрывали наваленные стройматериалы. Ряды шкафов, с прогнувшимися полками, наполнились совершенно секретными личными делами, до которых никому не было дела. За помеченной крестом дверью, без названия и номера, располагался штаб с внушающим уважение названием. (Подразделения специальных операций на оккупированной территории)

Разогнав застывший в воздухе, сигаретный дым, начальник отдела встретился взглядом с переведённым оперативником. Его лицо не выказало эмоция, но взгляд выдавал некоторое неудовольствие. Молча кивнув на один из старых деревянных стульев, начальник отдела полез в стопку бумаг. С негромким шлепком, на плексигласовую подложку легла тонкая подшивка с зелёной печатью.

– Нападения, с целью ограбления. Убийства. Хищение госимущества особого свойства. Примерное количество, от трёх до пяти. Вооружены, чем попало. Находятся на своей территории. – с тихим треском зажглась новая сигарета. – Выследить. По возможности собрать информацию о других группах или не участвующих в бою подельниках. Устранить.

– Здесь нет ни фото, ни каких описаний нападавших. – во второй раз просматривая данные.

– Мёртвые не описывают своих убийц. – достав из кармана небольшой пузырёк, начальник открутил крышку с пипеткой и закапал содержимое в уголки красных глаз.

– Мне убить каждого в том районе?! – с раздражением.

– Из размера следов установишь примерный вес и всё прочее. – он указал на запись подклеенным приложением. – Также гильзы, заметки патологоанатомов, отпечатки пальцев и ...

– Я вам не сыщик и не легавый. Моя рабата...

– Твоя работа, делать что приказываю. Не нравится. Жалуйся. Классифицированы как малоопасные, потому тариф пониженный.

Оба замолчали. Один с силой вдавливая ноготь в бумагу, читал доклады и выписки. Другой, сенсорной перчаткой компоновал списки, по описанию, отделяя пропавших, от дезертиров. Лишь через несколько минут, так ни разу и, не затянувшись, начальник опустил руки.

– Сделаешь это, и возьмёшь нормальное. – чуть поведя головой, он указал на два ящика со стопками бумаг внутри. – Работы тут много, так что... Хм... Есть где восстановить утраченное доверие. Эта ситуация, с пропажей поставок... С ней, на меня давят с верху. Валить можешь кого хочешь, только сделай.

– Сбор материальной база, сбор подходящей команды, переброска на место, разведка и сбор информации.

– К следующему конвою не успеешь. Если и его... – оторвав взгляд от работы. – С третьим пойдёте лично. Груз, должен быть доставлен.

***

Сон не принёс облегчения. Рывком распахнув набухшую от влаги, балконную дверь, отец грудью принял ворвавшийся свежий и прохладный ветер. Яркость солнца слепила, на небе не осталось ни единого облачка. Радостно осклабившись, наслаждаясь теплом, раннего осеннего утра, он сделал глубокий вдох. Скверные мысли не заставили себя долго ждать, стерев улыбку. Сердца забились быстрее, горло передала скверная догадка, механический взгляд, обежал двор, в поисках возможных следов. Оттолкнувшись от дверного косяка, сдержанной, тяжёлой поступью, мужчина направился в соседнюю комнату.

Обнимая гитару, сын спал сидя на табурете, облокотившись об угол разбитого шкафа. Дочь, закутавшись в одеяло, сопела на столе. Аккуратно и нежно прикоснувшись к её лицу, он отвёл с лица волосы, и легко потрепав за щёку, заставил проснуться. Недовольно поморщившись, она только плотнее съёжилась, но глаза открыла.

– Уууу? – гулко, и недовольно.

– Риса. Доченька. – ответил он ласково, без капли ещё секунду назад бушевавших эмоций.

Сердца сбавило темп. Дочь вернулась к нему, сменив ту, чужую, что крала её тело.

– Замёрзла? Сейчас согреешься.

Раскидав обломки обвалившегося очага, мужчина разжёт костёр, вскипятит воду и, сварив немного приправленного корицей чая, напоил чадо. Размявшись и поприседав, она была готово идти дальше, хоть время от времени её и одолевала зевота. Не столь любезно разбуженный за пару минут до отбытия, сын с трудом смог собраться до кучи. Пара глотков горячего чая, сумка за спину и снова в дорогу.

Отперев дверь, парень первым вышел в коридор и, убедившись, что за ночь нечего не изменилось, неспешно побрёл вниз по лестницу. Плеск неглубоких луж, редящая капель, эхо шагов в пустом здании. Разминировав первый пролёт, он передал гранату отцу и, пройдя немного вперёд, задержался у доски объявлений. Скалясь своей обычной улыбкой, Риса нарочно толкнула его, первой выскочив на улицу. Внезапно нахлынув, воспоминания о прошлой ночи, резанули по мягкому сердцу. Соппротивление было недолгим. Сняв с пояса маску, он надел её на лицо, и все печали остались позади.

Заметив это, отец одобрительно ухмыльнулся и, поправив кепи, уверенно ступил за порог.

Серые прямоугольники многоэтажек остались далеко позади. Перейдя по дощатой тропе через обмелевший водосброс, тройка поднялась на насыпь, ограждавшую заводские комплексы, от речной долины. Масштабное предприятие, прослужившее долгие годы, предстало грудой заросшего камня. Редкие столбы, прогалины дорог, искорёженные конструкции из склёпанных швеллеров, массивные основания там, где некогда располагались чудеса инженерной мысли. Миротворческие ковровые бомбардировки, не заставляли сомневаться в своей эффективности.

Тропами, по заросшим полям, мимо рощ, выросших на месте придорожных кафе, ориентируясь по номерам на высоковольтных опорах, к городу, что находится левее заката.

Весь день, и половину следующего они шли, не встречая следов других людей. Ивы и берёзы, крапива и малина, осока и сирень. Петляя между буйно разросшихся кустарников и старых буреломов, они прошли на треть меньше намеченного. Лишь с появлением первой грунтовок удалось вернуть прежний темп. В обход заразных деревень, вдоль крупного ручья, вброд по отмели, к почти пустому селу. Уточнив обстановку у местных, к городу они вышли лишь на третий день.

Периметр, представлял собой пунктир невысоких столбов, с установленными на них, оптическими датчиками. В небольшом отдалении, размещались панорамные камеры и датчики, тепловизионного, радиочастотного, электромагнитного, и других спектров.

Приложив трофейный документ к стоявшему у дороги сенсору, отец дождался подтверждающего сигнала, после чего поднёс и запястье с вживлённым чипом. Второй подтверждающий сигнал.

– Саб, засекай. – обращаясь к сыну, когда все прошли контроль. – Восемнадцать часов. – и разрезав кожу, вынул питавшийся его кровью чип.

Широкий пустырь опоясывал то, что осталось от некогда курортного города. В его земле, укатанный гусеницами тракторов, покоился пригород и примыкавшие к окраинам дачи, не нужные в новом бытие старого города. Больше транзитный узел, чем полноценным местом для жизни людей, самый дальний от моря, речной порт, единственная переправа на ближайшие сто километров в обе стороны, филиал десятка корпораций набирающих работников для отправки на заводы.

Стоило им пересечь вытоптанную черту на первой улице, как со всех сторон тут же подступили зазывалы. Одни предлагали услуги паромщика, другие безопасное жильё, третьи женщин и выпивку, последние, самые громкие и наглые, сулили блага корпоративных работников.

– Города, города, города. – зло твердил отец, отгаливая очередного брехуна.

– Города, города, города. – весело и беззаботно вторила ему дочь.

Несколько широких и живых улиц, пустые и безлюдные переулки, заброшенные спальные районы. Отмечая границы территорий, на некоторых стенах были начертаны простые, одноцветные символы. Обводя взглядом прохожих, патрули ЧВК блюли порядок.

Обойдя по дуге закрытый к посещению деловой центр, гости города зашли в неприметную закулочную, располагавшуюся на углу малолюдного, Т образного перекрёстка.

– Еды. Любой. И только попробуй сука спросить какой! – рыкнул отец на официанта.

Невольно прикоснувшись языком к тому месту, где некогда находились два зуба, работник вскинул руки, кивая, всем своим видом показывая, что понял. Отнятые у коллеги, нёсшего суп другим посетителям, три тарелки опустились на стол перед путниками.

Ублажённый доносящимся с кухни переполохом, отец откинулся на стуле, устремив взгляд на соседнее, серое здание. Первый его этаж не имел окон вовсе, на втором же, чувствовался их избыток. Стоя у грязного стекла, еле заметный в полутьме, негр расплылся в улыбке, встретившись взглядом со старым знакомым. Через десять минут, когда принесли горячие, приправляя его прямо на ходу, в закулочную забежал низкорослый паренёк, лет одиннадцати.

Остановленный тяжёлым взглядом и зловещей улыбкой, он всё же подошёл, положив на стол небольшой листок белой бумаги. Нагнувшись, мужчина провёл большим пальцем по полу, а затем с усилием отпечатал его на листе.

– Нужно больше. – со страхом, но в тоже время и твёрдостью в тонком голоске.

Сплюнув на листок, отец поднял вопросительно насмешливый взгляд. Переборщив с кивком, от чего тот был похож на поклон, связной вышел из закуской, скрывшись в ближайшей подворотне.

Жадно накинувшись на принесённую еду, отец и дочь с урчанием насели на ложки. Их взгляды часто встречались, и в этот момент, губы каждого слегка растягивались в улыбке. Сын ел медленно, отделяя, по его мнению, вкусное, от не вкусного, аккуратно подготавливая всё на порции, которые после подцеплял вилкой. Верно подгадав к концу трапезы, зашёл проводник. Короткая, будто опалённая борода, не стриженная, но опрятно уложенная шевелюра, потёртая кожаная куртка с парой нашивок и краги с металлическими вставками.

– Запиши на его счёт. – указал отец на вошедшего, и утерев рот платком, поднялся из-за стола.

Встретившись с взволнованным взглядом прислуги, мужчина кивнул.

Уводя с улиц, проводник спустился в обмелевшее русло дождевого канала. Холмики обломков, оставшихся со времён боёв за город, размытые паводком бетонные плиты, защищавшие берега, опоры трубопроводов, наносы песка, с линиями подъёма воды. Клонясь к земле, кроны деревьев накрывали редкой тенью. Крапива, репей и лебеда, прорастали меж собачьих костей. Шприцы, пустые бутылки, отсыревшая одежда, автомобильные покрышки...

Но, в то же время, Саб примечал и другое. Ряды зажигалок, бутылочных крышек и сигаретных фильтров, выстроившихся в оборонительные линии вокруг одноногой куклы. Кошачьи выводки, скачущие меж бетонных блоков и выброшенных в половодье веток. Птичи трели, когда всего в паре домов с грохотом сгружают бетонные блоки. Груда битого стекла, мерцающего и переливающегося разноцветными бликами. Возможность найти что-то новое, потерянное или выброшенное прежним владельцем и взглянув на вещь, попытаться представить человека, которого никогда не увидишь.

Через небольшой овальный сток, сотню шагов во тьме, до снесённой с петель решётки, за которой находился второй городской вокзал. Множество тонких, клёпаных столбов, подпирали массивную крышку. Покрытые слоем пыли, уцелевшие стёкла скрывали ясное небо, накрывая редкой тенью немногочисленное убранство. Остатки лепнины, кованые скамьи и урны, ряды торговых автоматов у дальней стены. Частично разграбленные, на путях хранились пассажирские и вагоны купе, пара тепловозов, громоздкий рельсоукладчик, и метро-вагон, притом, что его самого не было ни в этом, ни в ближайших городах.

В глубине, на центральном пироне, расположилась делегация принимающей стороны. Кроме чернокожего перекупа, присутствовало ещё двое подручных и стоящая чуть позади, группа покупателей.

– Джерк! – расплылся в улыбке отец, прицелившись в знакомого левым глазом, чуть разведя руки.

– Фок. – ответил он умеренным кивком.

Взглянув на экран кнопочного телефона, Джерк сжал его в пятерне, после чего обернувшись к подчинённым, взглядом указал в сторону. Достав руки из карманов, оба безмолвно подчинились. Также поступил и проводник.

– Всё по списку? – на пол тона тише, пожимая руку.

– Не всё. Кое-что пришлось заменить. – расстегнув подсумок на бедре, отец достал несколько твердотельных накопителей военного образца.

– За то, что не по списку, штраф. За то, что возместил, премия. – самоуверенно и насмешливо.

Улыбка Фока с радостной, сменилась на хищную. Взяв диски, делец достал из-за пазухи крупную пачку денег разного номинала. Стрельнув из подлобья, его обманчиво мягкий взгляд встретился с механическим. Щурясь, отец еле заметно покачал головой. С шелестом, часть купюр была отделена от пачки и скрылась в карман. Взвесив оставшееся, перекуп взглянул из подлобья.

– Штраф. – робко наслаждаясь уколом, наблюдая за реакцией, прощупывая границу дозволенного.

На мгновенье, лицо бродяги исказилось, словно тот раскусил шарик перца.

– Сойдёт.

Уложив накопители в ряд, надписями вверх, Джерк принялся читать.

– Фарма., от пятнадцати до тридцати. Тесту проб. пять четыре семь два два. По штрих коду.

Взгляды всех четверых опустились к экранам смартфоном. Начавшийся с десяти тысяч, столбец цифр устремился вверх. Короткая гонка окончилась за шестью знаками. Одетый в тёмно-серый, частично выцветший деловой костюм, с грязными штанинами и туфлями, покупатель походил на работника какого-нибудь офиса с центральной улицы. Пара кабелей от накопителя к считывающему устройству, несколько секунд и товар отправился в открытую крышку переносной дровяной плиты.

Стоявший рядом покупатель, удивлённо усмехнулся. Разодетый в пантовую, дорогую одежду, с множеством побрякушек, словно сорока от мира людей странный покупатель оскалил серебряные зубы.

– Эко ты как. – за гыгыкал, ожидая реакции от перекупа.

Дважды прикоснувшись к скрытому под кожей сенсору, офисный клекр кивнул. Отчётливо пиликнув, аппарат на поясе перекупа подтвердил пересылку денег.

– Ты вить даже не знаешь что на нём? – внезапно воскликнул сорока. – Ебаться. Ну, ты и кент. Может тогда и мне денжат отвалишь...?

Покупатели удивлённо взглянули на организатора. Тот, не реагируя, продолжал.

– Гео карта. Обозначенные в прайсе координаты не найдены. Соседние сектора, на восток три квадрата.

Скрестив руки на груди, слегка прищурившись, довольно симпатичная, немолодая женщина еле заметно поджала уголок губы. Но Джерк всё равно смог прочитать её заинтересованность. Остановившись, нарочито медленно пересчитав спрятанные в карман купюры, он протянул их себе за спину.

– Бери. – скомандовал отец, подтолкнув дочь вперёд.

Добавив к первоначальной сумме два ноля, перекуп нажал кнопку принять. Не прошло и секунды, как появился первый, оказавшийся единственным лот. Приняв диск, женщина неспешно оглядело его, провела по граням пальцем, обречённо глядя на шербатый бетон платформы.

– Гхээ... – хихикнула сорока.

– Могу я позвонить? – подрагивая от волнения.

– Вы знаете правила.

Закрыв глаза, руками, женщина горько заплакала.

– Мне пиздец. – еле слышно, через прижатую ко рту руку.

– Хочешь, я могу помочь тебе, чутка погасить долг. – скалился разодетый.

– У тебя тут бизнес или крысиная ярмарка? – возмутился коротко стриженный мужчина в строгих очках.

– Вы правы, прошу прощения. Думал проследить и... Но он не выносимо переигрывает. Фок, не подсобишь? Я знаю, ты любишь старшего брата.

Внезапно, зрачки сороки расширились, но сам он не подал вида.

– Чё задумал? Ээ, ты! – с прежним гонором.

Бродяга, сложив руки на поясе, не сдвинулся с места, изобразив на лице глубочайшее оскорбление. Быстро подошедшая охрана, скрутила руки вяло отбивающегося стилиаги.

– Я всё расскажу! – совершенно другим тоном.

Еле слышный хруст сворачиваемой шеи, конвульсия и сорока обмякла. Разведя руками, Джерк махнул в сторону, и тело утащили прочь.

– Эй, эй! – обратив внимание на женщину, улучившую секунду для звонка.

Остолбенева, Фокус продолжал слышать женский плач. Плачь, из глубины остывших воспоминаний. Той, что не спала несколько ночей. Той, что была в шаге от отчаянья. Той, что знала его родную дочь. Резко развернувшись, он пошёл прочь, не обращая внимания на устремлённые в след взгляды.

Вдоль накренившейся стены ремонтных мастерских, по мосткам, через затопленный двор, ориентируясь на переливы музыки красного квартала. Карманы горели от денег, глотка пересохла без выпивки, неомрачённый инородными составами, разум всё ярче подмечал ничёмную серость бытия. Даже не закрывая глаза, он представлял себе голых женщин, что подавят ласки, яркие вспышки гирлянд, блеск разлетающейся мишуры. Но где-то в глубине, за мишурой желаний, он продолжал слышать плач. Дело было сделано, очередной трудный путь, не раз грозивший смертью завершился триумфальным возвращением, и наставала пора отдыха. Отдыха, с большой буквы, и в полную силу. Бесконтрольного блуда, и беспробудного сна, обновок и бессмысленных трат. До первой рюмки оставалось всего пара кварталов, когда на взгляд попался небольшой закуток.

Тёмный, и ничем не приметный для того, кто не испытывал горя. Для него, он был словно отмечен краской. Блеск одиноко горящей свечи, силуэты идиолов, треугольные конверты скреплённых кровью таинств, миска никем не тронутых патронов. Силуэт мертвеца, решившего досрочно покинуть мир. Всего мгновенья, одного взгляда было достаточно чтобы разрушить и без того непрочную иллюзию. Свет софитов померк, сдулись шары, стаканы наполнил песок, остыли взбитые перины. Озлобленно оскалившись, опустив руки в карманы, мужчина прибавил шагу, безвозвратно решив, что начнёт с тяжёлых наркотиков.

Предвосхитив самые смелые ожидания дилера, заплатив за аренду как за покупку, распахнув двери для всех, кто готов был сорваться с края пропасти, Фокус вскинул бутылку, вызвав одобрительный рёв гостей. Киловатты музыки, блюда на любой вкус, каскадёры в роли аниматоров, досуг, подразумевавший кровопролитие и стальная клетка, для особо весёлых.

***

Выдохнув переливающийся искрами дым, отец откинулся на спину, приземлившись на колени обнажённых блудниц. Один за другим, четыре стальных троса лопнули, и больше нечем не удерживаемый, оторвавшись от стен, потолок начал быстро подниматься вверх. Приникнув грудью, девушки принялись целовать покрытую шрамами кожи. Бесцеремонно оттолкнув закрывшую обзор, кучерявую голову, Фокус с восхищением воззрелся на гигантов, заглядывающих под крышу дома. Одутловатые лица, лишь от части имели в себе черты человека, в основном состоя из пульсирующей плоти. Цепляясь за головы, разрывая кожу, когтистые лапы оттягивали гигантов назад, но на место одного, вставляли сразу несколько новых, начинающих медленно клониться к заметившему их человеку. Громогласно смеясь, отец подобрал чей-то пистолет, и дважды выстрелив в потолок, заготгал громче прежнего. Возликовав, ска-

чущие в такт музыке толпы, вскинули руки, и длинные стебли пальцев устремились к блестящему серебром небу.

С разбегу запрыгнув в объятия самого мускулистого из встреченных парней, дочь схватила его за горло, принявшись душить. Запоздало реагируя на нападение, от удивления выпучив глаза, качок развернувшись на месте, и с силой приложил девушку о стену. Ослабив хватку, но, всё же удержавшись, она зло ухмыльнулась, после чего впившись в избранника губами, хватаясь за мебель и людей, потащила его в одну из комнат второго этажа.

Опрокинув очередную стопку, сын что-то ответил на замечание собутыльника, рассмеялся, не согласившись, привёл веский аргумент, а затем, всё же согласившись, не будучи убеждённым, налил новую. Только что сказанные слова, исчезли, оставив после себя лишь смутное послевкусие. Парень напрягся, попытавшись вспомнить, о чём был разговор, но не смог даже отличить собеседника, среди недавно подсевших за стол собутыльников.

Под многоголосое улюлюканье, выхватив микрофон у солиста, Фокус принялся орать видеоизменённые, наполненные матом, лозунги новой власти. Ответом ему было безизменное.
– Нахуй!

Уличив пару присутствующих в недостаточно громком оскорблении власти, он направился к виновникам, разгребая толпу, а достигнув цели, был бит. Поверженный после первого удара, отец лишь ослабился и, выхватив из-под кого-то барный стул, обрушил его на спину смеющегося победителя. Завязалась бессмысленная и кровопролитная драка, поначалу подерживаемая и распыляемая пьяными выкриками, но резко закончившаяся, после того как залитый кровью незнакомец взялся за нож.

Необременённый раскаяньем, отец вывалился из толпы и, сорвав с себя заляпанную кровью рубашку, подсел к сыну. Звон соприкоснувшихся стаканов, резкий выдох, звон опустевшей тары о дальний угол, над головой вырубившегося тусовщика. Накинув руку на плечо сына, родственник потащил его куда-то в направлении кухни. Отвернувшись, скрывая отвращение, улучив момент пока мужчина употреблял щепотку белого порошка, парень выскользнул и, пройдя сквозь людей, остановился у грязного, зарешёченного окна.

Еле освещённые немногочисленными фонарями, улицы утопали в полумраке, в то время как над ними тянулись ярко подсвеченная эстакада, построенные на случай экстренной переброски войск к мосту, ведущему на ту сторону реки. Чёрный дым над безуданно коптящими теплостанциями, серая дымка грязных облаков, десятки дронов, роящиеся на задворках корпоративного центра. Пронзая тёмное небо, прожекторы скрещивались над городом, будто бы давая ориентир для сброса стратегических боеголовок. Несколько перемигивающихся огней на вершине массивного здания, подсвечивающих сорванный герб мёртвой страны.

Взгляд дрогнул, и мысленный взор обернулся в прошлое. В те дни, когда отрываясь от домашнего задания, глядя кота, он смотрел за окно, мечтая поскорее удрать на футбольное поле. Яркая зелень, освещённая клонящимся к закату солнцем, немногочисленные пушинки уже отцветшего тополя, возгласы товарищей по двору, запах хлеба из пекарни, шаги и негромкие разговоры родителей, то и дело прерывающиеся на весёлый смех.

Перекинутая через плечо, длинная, жилистая рука похлопала по груди. Хмыкнув, не понимая на что можно смотреть, когда вокруг ходят такие женщины, чувствуя, что родственник нуждается в помощи, отец протянул руку с несколькими таблетками. Тяжело дыша, с трудом сдерживаясь от того чтобы не взяться за маску, увидев другой путь, сын без промедления ступил на него. Одобрительно гыкнув, отец снова похлопал его по груди, и с чувством выполненного долга, направился вслед за красивой, полуголой мадам.

Усевшись в небольшое кресло, вынесенное из какой-то больницы, парень откинулся на спинку, с нетерпением ожидая, когда отступят все печали. Первым что он заметил, стала перенастройка яркости. Тёмное, погрузилось в непроглядный мрак, а светлое, начало слепить.

Обмякшие конечности, потеряв вес, слились с креслом в единое целое. Одежда, неподъемно отяжелев, мешала сделать новый вдох. Всё стало невообразимо чётким и контрастным...

Лучше не становилось. Он по-прежнему чувствовал давящую и терзающую... Мерзкую и удручающую... Щемящую сердце от безвыходности и бессилия... Всё светлое, стало слепяще ярким, тёмное, непроглядно чёрным. Отчий дом, путь к которому уже не найти, покрылся гарью и копотью бесчисленных пожаров. Родной батальон, разбитый и рассеянный без помощи врага, улёгся спать, укрывшись одеялами из дёрна и опавшей листвы. Долгие дни скитаний, слились в цепь однообразных дней, голода и холода, сырости и усталости. Заветная встреча с тем, кто в своём отчаянье, принял его за своего потерянного сына. Ставшая концом его совести, и началом новой жизни, в которой он снова был кому-то не безразличен.

Невыносимое одиночество, скорбь утраты собственного я, отрезанного сиюминутным желанием облегчения, страх того, что обман может быть раскрыт... Конвульсивно обхватив голову, съёжившись в кресле, ослеплённый разноцветными бликами гирлянд, он застонал, невнятное.

– Некуда бежать, нигде не спрятаться.

Один за другим, гости превращались в мутировавших волков, из какого-то полузабытого фильма. Скалящиеся, рычащие, зыркающие блестящими глазами, твари желали его смерти. Лучи переливающихся гирлянд, начали обжигать кожу, но стоит встать с медицинского кресла, тут же попадёшь в звериные пасти.

Вспышками, в памяти возникали давно забытые образы. Лица людей, при виде которых сжимались кулаки или появлялась слеза. Дрожь от катящихся мимо танков, запах тлена в брошенной избе, жар костра в долгую ночь, давление объятий и боль в саднённых ладонях.

Широко раскрытые глаза увлажнились, истекая слезами. Давно забытое и отринутое, возвращалось. Принося с собой боль и горечь, страдание и грусть, но, и радость. Спрятанную в дальнем углу надежду, дни детства и юности, то небольшое добро, что осталось в мире, редкие, слишком выбивающиеся, встречи с другой, которую некогда звали Кристина.

Переливаясь зелёными, синими и красными точками, экран громадного телевизора вещал какие-то разрозненные изображения. Зло посмеиваясь, взглядом ища неприятности, отец мучал струну бас гитары, разлётшись среди таких же одурманенных, полуголых женщин. Поминутно демонстрируя удостоверения, в клетке бесновался лысый мужик. Из всех пяти спален доносились стоны, сопровождаемые ритмичными движениями. Забредший на огонёк толстяк Джерк, самозабвенно выбивал ритмы на барабанах. Свесив руки по сторонам, тяжело дыша, сын наблюдал за тем, как снова поднимаются воздвигнутые им стены. Боль и страдание, скорбь и вера, отчаянье и надежда покидали его, перемешивая все краски в серую.

***

Сорвавшись с потолка, очередная капля упала на щёку, окончательно выбивая из сна. С раздражением взглянув на мокрый потолок, сын утёрся краем розового покрывала. Он не помнил, как попал сюда, да это его и не сильно заботило. С другой стороны кровати, вповалку спали незнакомые люди. Ещё больше гостей обнаружилось разбросанными по остальной комнате. С трудом управляя ногами, переступая через храпящие головы, он перебрался на другую сторону, к двери в ванную.

С резким рокотом, выдохнув воздух, кран выпустил рыжую струю. Спустя пару секунд поток воды прочистился, а ещё через пару стал тёплым. Горсть воды на лицо, горсть на зеркало, чтобы смыть пепел от сигаретных окурков. Под стекающими каплями обнаружилось нелюбопытное зрелище. Лениво обернувшись, с вопросительной гримасой “Ну серьёзно?“, парень встретился взглядом с мёртвой шлюхой. Не то зарезанная, не то вскрывшая себе вены, она

была заботливо засыпана почти растаявшим льдом, в котором плавала пара использованных презервативов.

Чистить зубы с надетой маской оказалось куда неудобнее, чем представлялось, но желание избавиться от ужасного привкуса во рту, было непреодолимым. Наконец сообразив задёрнуть шторку, парень погрузил патлатую голову под кран, и с наслаждением выдохнув, принялся соскребать застарелые коросты.

Одевшись в то, что пришлось в пору, взамен утерянной части гардероба, сын вышел из комнаты. Коридор напоминал место сражения. Стена напротив была не то проломлена, не то прорублена. Весь пол усеивали гильзы, а у окна, в конце коридора, валялась куча расстрелянной посуды, ваз, бутылок и прочих мишеней. Те обои, что остались не содраны, покрывали слои граффити. Источая ужасный запах, вместе с храпом выплёвывая изо рта комки рвоты, подперев собой дальнюю дверь, дрых очередной незнакомец.

Не понимая где находится, сын распахнул первую из дверей. Люди, хаотично разбросанная мебель, тяжёлый спёртый воздух и полутьма. Комната за следующей дверью, была непроглядно чёрна. Неразборчивые звуки из дальнего угла, всхлипы, бляенье барана. Вдруг, ухватившись за дверной косяк, из мрака появился отец. Потерянное выражение лица, контрастировало с его неестественным, грязно зелёным цветом. Оттолкнув родича, мужчина вывалился в коридор, и неуверенной трусцой, в последний момент, ловя равновесие, умчался в сторону лестницы.

Восемь ступеней, поворот на девяносто градусов, и ещё четыре, залитых чем-то липким, вывели на второй этаж. Плотно, словно огурцы в банке, уронив голову на грудь, запрокинув назад, положив на плечо соседа, десяток тусовщиков потихоньку перерабатывали накопившийся в крови спирт. Один из них, не поднимая головы, рылся в карманах соседа.

– Да я просто сигареты искал! – вскинул руки карманник, демонстрируя пачку.

Нечего не ответив, лишь пожав плечами, парень пошёл дальше. Кровь на стенах, пустая тара от еды и алкоголя, обломок ножа в дверном косяке, зеркало с остатками пудры. Не до конца понимая куда, ноги несли всё ниже, всё дальше. Ища выход из лабиринта коридоров и комнат. Разум отступил на второй план, занятый такими-то мыслями.

– Саб. – окрикнули из кухни, остановив на пути в некуда.

На удивление быстро пришедший в себя, отец сидел во главе небольшого, прямоугольного стола. По правую руку, ухмыляясь, завтракала сестра. При виде и запахе свежего тоста, зудевший на фоне голод, дал о себе знать с новой силой. На полках навесных шкафчиков остались лишь обёртки, за небольшой дверце кладовой десятки видов приправ и специя, холодильник ломился от недопитых бутылок с пивом. Стряхнув осколки с упаковки молока, Саб открыл крышку, и заглянул внутрь. На поверхности густой жидкости, плавал мохнатый остров. Заметив взгляд родственника, намекавший на то, чтобы делится блинами, сестра взялась за вилку с целью отстаивать добычу, даже если потребуется пролить кровь.

– Смотри. – отец перебрал ему свежую газету. – Это их конец.

В заглавие было написано.

(Конфликт на западе набирает новый оборот!) Чуть ниже. (Бывшие союзники, достали ножи. После завершения миротворческой миссии, флотилии перебазировались на северном архипелаге...) (...на снимках со спутников, видна большая активность. Всё свидетельствует о концентрации атакующей группировки.)

– Грядёт война?

– В банке может быть только один паук. Надеюсь, они перебьют друг друга!

– Ага. – надевая куртку. – Пойду куплю что-нибудь.

– Больше! – воодушевлённо воскликнула сестра

Кивнув, он вышел за дверь.

У ближайшего столба, переминаясь с ноги на ногу, стоял не то бегунок, не то шестёрка одной из местных банд. Одетый так, чтобы никто не хотел с ним связываться, демонстрируя свою некомпетентность засунутым за пояс пистолетом, он внимательно оглядывал закоулки чужого квартала. Обернувшись на звук захлопнувшийся двери, местный поначалу дёрнулся, но увидев, кто перед ним, тут же принялся всем своим видом изображать плохого парня.

– Эй. Кто такой?

Лишь косо глянув на него, Саб прошёл мимо.

– Эй. – менее уверенно, но в тоже время с раздражением. – А ну стой.

Он остановился.

– Ты из этих?

– Нет. – совершенно не понимая о ком идёт речь.

– Тогда хрена ли ты там делал? – возмущённо и напористо.

– Я тут живу.

Пыл мгновенно поутих. Ещё раз, оглядев жильца пропащего дома, и придя к какому-то выводу, бегунок кивнул.

– Это для твоего... отца. Для Фокуса.

Взяв помятый конверт из тёмной бумаги с крупной печатью, Саб засунул его в карман и пошёл было дальше, когда его снова окрикнули.

– Тебе нужно его отдать...

Требовательный голос шестёрки был прерван выстрелом, раздавшимся где-то в доме.

– Не забудь. – и искоса поглядывая себе за спину, быстрым шагом переходящим в бег, поспешил скрыться.

По широким, и пустым улицам пригорода, меж заборов частного сектора, к бетонно-панельным кварталам, через заросли, узкой каменной лентой семенящих ступени, на затон. Плотно застроенный в годы роста, сейчас лежащий в крошечных руинах, то и дело затапливаемый паводками, он не был так прост, как могло показаться на первый взгляд.

– Эй. – окрикнули откуда-то сверху. – А, это ты. Чего тебе?

– Иду к хирургу. – взглядом обшаривая обвалившиеся стены, в поисках говорившего.

– Ну, иди. – шорох осыпающейся пыли.

Так и не найдя говорившего, точно зная что за ним наблюдают сразу несколько местных, парень пошёл дальше. Тропами, меж пологих завалов, под металлоконструкциями с кусками бетона, мимо неприметных дверей. Многие переулки и улицы покрывал тонкий слой слегка мутной воды, поросшей плавучими травами. Прорастая в трещинах стен, цепляясь за камни и решётчатые изгороди, болотные растения осваивал немногочисленные пригодные для укоренения площади, в то время как вся земля, напитавшись водой, превратилась в топкое месиво.

Возвышаясь над кварталом, высохший тополь служил ориентиром. Его редкая тень, покрывал камуфляжем загорелое лицо бродяги, сидящего неподалёку от входа в обиталище доктора. Облокотившись на осыпь, медленно пережёвывая жёсткий ломтик вяленого мяса, незнакомец, без тени стеснения, пялился на подошедшего парня. Лишь коротко стрельнув глазами, занятый собственными мыслями, тот не замедлил шага.

Лёгкий толчок в металлическую дверь, не сдвинул её ни на дюйм. Дважды постучав и не услышав ответа, Саб отошёл на полшага, оглядывая здание, а затем, развернувшись, направился к завтракающему незнакомцу.

Если бы потребовалось описать его одним словом, им без сомнений стала бы: пыль. Пропитавшая одежду, полностью скрывшая изначальный цвет обуви, отмеченная подтёками пота на загорелой коже, пыль была везде. Приваленный к стене, такой же грязный, как и его обладатель, рюкзак был наполовину пуст. Неброская, полу-походная, не раз штопаная, одежда выцвела в тех местах, где на неё падали прямые солнечные лучи. Единственным что привлекло

внимание, был взгляд. Внимательный, любопытствующий, но и безразличный, слишком похожий, на взгляд отца.

Оба не произносили ни слова, разглядывая оппонента. Длинные грязные волосы рассекали еле заметные проборы шрамов, многодневная щетина, растущая лишь на висках и шее, крохотная серьга в брови. На левой кисти, местами покрытой зарубцевавшейся кожей, не было ногтей.

– Давно ждёшь?

Незнакомец не ответил. Уязвлённый игнорированием, парень напряг зрение, изо всех сил пытаясь подметить то, что упустил в первый раз.

– Это, не то о чём ты думаешь. – указав на рукав, с полустёртыми пятнами крови, а затем на кровавые плевки чуть в стороне. – Будь это оно. Ты бы не добрался до города.

– Почём тебе знать. – сурово, почти скрыв обеспокоенность.

– Моя сестра, несколько лет назад, нашла “индейское одеяло”. Его не с чем не спутаешь. Как давно ты заметил?

В места ответа, настороженный взгляд.

– Полагаю после того как проходил через один из пунктов выдачи. Оба они примерно в неделю отсюда. Судя по твоему виду, ты идёшь с юга-востока.

– Проклятье! – настороженность, сменилась весёлой улыбкой. – Угадал. Я помню всех кого встречал, и ты точно не один из них. Следишь за мной?

– Значит с запада. – с досадой отвёл глаза Саб.

Чужак снова замолчал. Усмехнулся. Кивнул на обломок стены, предлагая сесть.

– Врач придёт через полчаса. Срочный вызов. – сухой, глубокий кашель. – Он сказал то же самое, что и ты. Но проблему всё равно нужно решать.

– Давно в пути?

– Годы. С самого конца. А ты? Не похож на оседлого. У них взгляд, как у овец на выпасе.

– Не больше нескольких недель на одном месте.

– Есть хорошее местечко на примете? – прищурил один глаз.

– Только те, от которых следует держаться подальше. – с грустной полуулыбкой. – А у тебя?

– Куда ноги ведут, где есть еда, подальше от оккупантов.

– Дорогами, что уходят за горизонт. От рассвета до заката. Останавливаясь чтобы поесть.

Скиталец дважды кивнул. Его взгляд изменился. Теперь в нём отражался братская душа.

– Однажды, ты остановишься посреди дороги, обернёшься, не понимая, откуда идёшь, сядешь, где стоял, и заплачешь, так как никогда не плакал.

Черты его лица вытянулись, и одеревенели. Взгляд ожесточился.

– Да что ты знаешь. – тем же тоном, но с явным напором в голосе. – Я бы встретил их грудью, и...

Не укоряющий, и не насмехающийся, глубокий и бесцветный, словно видящий правду, взгляд парня заставил замолчать.

– Когда ты один, тебя не сковывает чужой темп, не заботят чужие проблемы, нет нужды с кем-то обсуждать свои решения. Когда ты один, тебя греет лишь костёр, ты можешь опереться только на землю, ненужно делить кусок хлеба, нести на себе чужую ношу.

Опустив нахмуренный взгляд, незнакомец не ответил. Больше он не произнёс ни слов.

Саб, задумался о другом. Рейды по пустым землям, не могут длиться вечно. Однажды. Возможно не скоро, но несомненно однажды, их станет двое, а может и того меньше. Пока всё как сейчас, они держатся, но не станет одного, любого...

– Не семья, но и не друзья. Можно ли кого-то из нас заменить?

Следом, за ни на чём не основанной догадкой, пришёл страх, быстро перерастающий в ужас. Потерять её, или потерять отца. Лишившись половины себя. Без любого из трёх цветов,

не получится кадр. Но ничто не вечно. Сняв с пояса маску, он поспешно поднёс её к лицу, и страх отступил.

***

Ненадолго задержавшись перед подробным анатомическим рисунком человека, Саб вошёл внутрь. Полутьма возле двери, спустя всего несколько шагов, сменялась ярким, холодным светом. Тускло блестели закрытые в прозрачный контейнер инструменты. Мерный гул кварцевых ламп.

– Здравствуйте. – робко и сдержанно.

Поставив походный чемоданчик и аквариум под лампой, врач скептически взглянул на посетителя.

– Я пришёл чтобы спросить... – взгляд избегал прямой встречи. – Делаете ли вы операции? Не обычны операции... Мне не для себя. Меня послала спросить одна девушка...

– Опять про пулю в голове? Нечего не изменилось. Приводи её сюда, и я всё сделаю. Как ты его принёс, он так и пылится. – взгляд указал на накрытый плёнкой прибор в дальнем углу.

Выйдя на яркий свет, Саб замер, потупив взгляд. Пальцы легко подрагивали, дыхание замедлилось, на лбу выступил пот. Борьба длилась недолго. Достав маску, он водрузил её себе на лицо, и не успел затянуть лямки на затылке, как всё прошло.

Он не знал, что именно заставило его остановиться у дверей магазина, обернуться, взглянув в конец дороги, отправится на затон. Она не просила помощи, зная, что место неё получит лишь разочарование. Он, никогда не её предлагал, зная, чем всё обернётся. Но, нечто внутри, сжимаясь до рези, до слёз, раз за разом гнало к ужасному будущему, в котором для подделок не останется места. Беспросветная печаль, и отчаянье скрылись за пеленой забвения. Под ногами снова лежала дорога, и оставалось только идти, не поднимая взгляда, не замечая, что твориться вокруг, жить, пусть даже если за это придётся заплатить подобную цену.

Решив не снимать маску, пока не выйдет из затона, Саб направился к ближайшему подъёму. Затопленные парковки, с заросшими островками машин, выложенная плитами дорога, завалившийся баннер с обрывком красочной бумаги, сотни сотен пластиковых бутылок, занесённых во время разлива.

Он заметил, что за ним следят, но не придавал этому особого значения, списав на недоверчивость местных. Когда впереди появился отряд в чёрной форме без знаков отличия, он не свернул с пути, зная, что у них ещё оставалось время, предположив, что они пришли за кем-то другим, и если он дёрнется, они точно заподозрят неладное. Когда к нему, сошедшему с дороги, обратился один из людей в форме, он был уверен, что они просто хотят его расспросить, (не видел ли он чего).

Аккуратно взятый под руки, Саб был поднят над землёй, отнесён за угол, и усажен в один из двух внедорожников. Сняв маску, без ошибочно угадав старшего, задержанный обратился к нему в пол тона, без тени страха.

– Вы меня с кем-то спутали.

Тот лишь удивился.

– Вот значит, как выглядишь.

После чего дверь закрылась, и воронок тронулся с места.

Не было ни мешка на голове, ни каких то требования. Короткий обыск, вместо диалога. Крепкие руки на запястьях, вместо ремней безопасности. За несколько кварталов добравшись до съезда, ведущего на эстакаду, не остановившись для досмотра, машины поднялась над городом. Ровный шелест колёс по первоклассному асфальту, тихая мелодия на чужом языке, мел-

кий дождь за окном. Через два блок поста, мимо нового района, с высоченными домами, меж которых ходили одетые с иголки люди, в подземный гараж. Оттуда лифтом вниз, несколько коридоров и затем вверх, до тридцать второго. Под конвоем самого накаченного, к кабинету с табличкой. (Старший следователь.)

– Добрый день. – по приветствовал владелец кабинета. – Сюда.

Его провели в смежную комнату, поделённую надвое. Одна сторона была пустой, за исключением дивана, из которого выступали стальные петли. Другая, ничем непримечательным рабочим местом офисного клерка.

– Слишком гладко. – хмурясь, доложил глава оперативной группы, глядя на усаженного на диван пленника.

– Всё так, как и должно быть. Свободны. – в родной речи, чувствовался акцент человека, слишком часто говорящего на чужом языке

Кивнув, бойцы вышли.

– Ну здравствуй, Роман.

Парень неуверенно повёл головой.

– Эх, прости. Ты наверное уже и забыл. – взяв крайний документ на столе, и продемонстрировав его задержанному. – Твой паспорт. Довоенный. Нового, я так понимаю, ты не делал.

– Отсутствие паспорта, не тот поступок, из-за которого вот так похищают.

– Не тот. – соглашаясь, а затем стрельнув улыбчивым взглядом. – А как насчёт убийства, в составе приступной группы. Хищение документации частных предприятий, владение и сбыт незаконного оружия. Тут целый список. – он постучал пальцем по одной из бумажных стопок.

Парень пожал плечами.

– Я нечего такого не делал. Честное слово. Можете проверить на детекторе.

– Я тебя знаю. – с внезапной злостью в голосе. – Знаю, что ты можешь простить себе любой грех. Но если ты его забыл, не значит, что забыл бог. – взгляд указал в потолок.

Минутное молчанье один провёл за чтением записей, второй, за разглядыванием картины. Длинная и узкая, с изображённым на ней озером, посреди лесистых гор, со слегка искажёнными тонами, в которых преобладал серый цвет.

– Предлагаю тебе поступить следующим образом. – снова спокойно. – Расскажи где твои подельники, и будешь свободен. Мне ты также не интересен, как и прочие бродяги. Я знаю, что ты всего лишь был рядом, когда они совершали преступления. Но этого вполне достаточно, чтобы одеть тебя в петлю. Начинаешь говорить, живёшь дальше. Нет, повиснешь на автобане.

– Могу я взять мою маску?

– Нет. – с тонкой улыбкой. – Не можешь! – одновременно с ударом кулака о стол. – За дурака меня держишь!?

Небольшая пауза, на прочтение записей.

– Два кофе. Горячий и тёплый. – после нажатия на селектор телефона.

Большая, белая, парящая кружка для старшего следователя, и еле тёплый, пластиковый стаканчик для допрашиваемого.

– Пойми. – спокойным и вкрадчивым голосом. – Ты попался. Это конец истории. И перед тобой простой выбор. Начать новую, или умереть... Умереть. – внимательно глядя в глаза допрашиваемого. – Даже здесь... – указав кивком куда-то в сторону. – ...лучше, чем умереть. Пока ты жив, ты можешь чего-то добиться, к чему-то прийти, изменить. Но смерть... Она нечего не изменит. Мир её даже не заметит. Сотрудничай, и будешь жить...

Не пристально, без любопытства, Саб разглядывал лицо своего корпоративного работника. Чистое, без угрей, волос или шрамов. Слегка намеченный подбородок, не ярко выраженный кадык. Двух сантиметровые, чистые, ровно подстриженные волосы. Белые зубы. Острый нос. Обычные уши. Взгляд спустился ниже. Чистая, ровно выглаженная рубашка, следы от колец на пальцах. Взгляд стал более заинтересованным. Пепельница на столе. Ни сигарет,

ни зажигалки. На стенах отметки от игл. Пыль на полках, грязь под мебелью и в дальних углах.
На ногах чистые, будто новые туфли...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.